

Curriculum Vitae. Збірник наукових праць. – Вип. 1. Біографічний метод у гуманітарному знанні. – Одеса: ФОП Фрідман О.С., 2009. – 240 с.

У збірнику об'єднані наукові статті та матеріали, що були представлені на IV-й Міжнародній науковій конференції „Біографічний метод в сучасному гуманітарному знанні”. Одна з вихідних ідей упорядників – ідея єдності життєтворчості та мисле-творчості, подій життя та подій думки. Тому „Curriculum Vitae” розглядається не тільки як „життєве коло”, але і як „коло”, майданчик, де здійснюються акти інтелектуальної творчості, наукової рефлексії і діалогу стосовно таємниць такого соціокультурного феномена як біографія у розмаїтті її варіантів, а також стосовно пізнавального профілю та перспектив розвитку біографічного методу в міждисциплінарному полі Humanities.

Редакційна колегія:

Доктор філос. наук, проф. І.Я. Матковська (ОНУ ім. І.І. Мечникова)

Канд. філос. наук, доц. І.В. Голубович (ОНУ ім. І.І. Мечникова)

Канд. філос. наук, доц. О.А. Довгополова (ОНУ ім. І.І. Мечникова)

У оформленні використано роботи Г. Палатнікова

© Колектив авторів, 2009

© Г. Палатніков, 2009

А. Худенко

СИЛА АВТОРИТЕТНОГО СЛОВА (ПАМ'ЯТИ І.М. ПОПОВОЙ)

§ 1

Каждый раз, пытаюсь понять смысл произошедшего, задаюсь вопросом: «Не опоздал ли? Может быть, очевидность произошедшего уже явлена в момент его случая и должна была бы быть схвачена в мгновение ока? Или, наоборот, ясность видения наступает по прошествии какого-то времени? Тогда, в самом конце весны, смерть Ирины Марковны стала для нас шоком. Привычная каждодневность лекций, обсуждений, исследований взорвалась и опрокинулась. А теперь, по прошествии времени, мы, наверное, уже пережили шок и можем яснее видеть. Так ли это? И что значит «пережить»?

Слово «пережить» многозначно. Одно из значений слово таит в себе возможность забыть – не помнить: через случившееся переходят, преодолевают его и идут по уже привычной, протоптанной дорожке. А если мы и вспоминаем нечто, то его стараются рассмотреть, что называется, «трезвым» взглядом – не испытывая шокирующего характера произошедшего. Потом и само воспоминание становится казенным: его экономят, инвестируют и ожидают получения дивидендов.

Но есть и другое значение слова «переживание». Это несение в себе шока. Переживание как постоянное претерпевание усилий, чтобы продолжать жить. Это необходимость постоянной встряски, которую испытываешь, если только продолжаешь путь. Той встряски, которая заставляет чеканить шаг: делает его твердым, строгим. При этом, не думаю, что твердость и строгость шага настраивается банальностью воспоминаний. Шаг чеканится в пути ведения дела. Потому, вероятно, чтобы помнить, нужно продолжать вести дело. То дело, которому Ирина Марковна посвятила свою жизнь. Жизнь, которая есть в каждодневности усилий для продолжения дела – жизнь исследователя.

Биографические исследования сегодня как никогда актуальны. Уже много лет проблемы методологии биографических исследований находятся под пристальным вниманием И. Матковской. Исследования Б. Докторова также никого не оставляют равнодушными. В этих проектах принимают участие и философы, и социологи, и историки, и филологи. В самом деле, уже установленные дисциплинарные рамки для этих исследований слишком узки, т.к. они ориентированы не только и не столько на коллекционирование архивных материалов, не являются просто жизне-писанием прожитого и пережитого, но есть способ уловить ритм жизни, который всегда зовет вперед.

Без сомнения, зов ритма не безгласен. Он уже говорит на каком-то языке. И одним из таких языков является язык *авторитета*. В такой

степени одна из проблем биографических исследований – это проблема авторитета в науке. Можно ли идти всегда вперед, не слыша авторитетного слова (без «царя в голове», как говорится в поговорке)? Каково назначение этого слова? Чему оно учит?

Отвечая на эти вопросы, речь пойдет не столько о силе авторитетного слова вообще, но о слове профессора Поповой, т.е. о том, чему я бы хотел научиться, слушая ее? Сослагательного наклонения говорит не только о том, что что-то упущено. Это так: уже не будет встреч в коридорах университета, частых и долгих разговоров по телефону, писем. И все же сослагательное наклонение – это осторожное выражение желания продолжить исследования. Ведь необходимо продолжать вести дело. И это главное чему учит профессор Попова. При этом без сохранения ритма, который всегда вел ее вперед, продолжить будет сложно. В чем же существо этого ритма, держание которого гарантирует продолжение? Какие уроки следует извлечь, прослушав лекции Ирины Марковны и сделав пометки в конспекте?

§ 2

В одном из писем Ясперсу Хайдеггер замечает: «Я существую в роли зрителя галереи, который, в частности, следит за тем, чтобы шторы на окнах были надлежащим образом раздвинуты или задернуты, дабы немногие великие произведения прошлого были более или менее хорошо освещены». В этих словах и признание значимости уже достигнутого, и необходимость бережного к нему отношения. Действительно, авторитетное слово требует заботливого отношения. Но как проявить эту заботу? Отдаться коллекционированию и цитации? Отнюдь! Слово авторитета становится поистине авторитетным, когда оно завязано в деле, выставлено как святое из его ведения. Эффективность, прибыльность нашего сегодняшнего дела и высвечивает авторитетное слово в его авторитетности. Но если дело идет к банкротству, то нарочитое выпячивание слова, приклеивание к авторитету банкротит и величие достигнутого. В этой связи, беспамятство и забвение авторитета – это, прежде всего, следствие банкротство нашего сегодняшнего дела.

Так как же сохранить и удерживать в памяти оставленное слово? Это быть способным открыть глаза: быть строгим в своей озабоченности происходящим и осматрительным в заботливом отношении к уже случившемуся; это каждодневные усилия к тому, чтобы смотреть и видеть мир в его повседневных подробностях. И себя как часть этого мира: участвующего в его производстве и разделяющего его участь.

Таким образом, слышание авторитетного слова учит нас проявлению заботы о мире. **Итак, первый урок профессора Поповой – это способность проявить заботу о мире.**

§ 3

Конечно, слышание авторитетного слова не есть его апология. Скорее, наоборот. Это артикуляция, воспитание критичности мысли. (А

какой мысль может быть еще, если не критической.) Мы говорим о критике в первоначальном значении слова: способность взвешивать, выбирать, принимать решение – судить. В этой связи слышание авторитетного слова – это не только и не столько соглашение с ним, но возможность его оспорить: затянуть с ответом или не ответить. Затянуть с ответом – значит отказаться от лобового, прямолинейного решения проблемы и избрать путь обходной, косвенный. Речь в данном случае не идет об Одиссеевой хитрости, на которую обратил внимание Адорно и Хоркхаймер. Скорее, это проявление житейской сметки: «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». И за ней стоит не хитрость и пассивность, но поиск сильных аргументов. Вообще любое дело не терпит суеты; ведение исследований не только полет фантазии и творчество, но рутина каждодневных усилий.

Не ответ же – это воля не подчиниться ритуалу, отказаться от благопристойности и показной вежливости. Таковая возможность не-ответа учит сопротивлению и стойкости. Стойкости для того, чтобы занять позиции, иметь ее и отстаивать. В этой связи суть критики, способность критически мыслить лежит не в судилище – оценивании и закреплении чего-либо в качестве ценного (вспомним христианское «не суди»), но в силе позиции: способности сопротивляться, бороться.

Сопротивление вообще является непременным атрибутом мысли. И ее предикатом: в энергичности, напряженности сопротивления мысль живет; вне его – мысль околеваает. В этой связи подходящей формой для продолжения дела является не нормы и правила, а движение размежевания. Таковое движение есть освобождение той межи, где только и может что-то сложиться и сработаться. Межа же не только разделяет, но и сопрягает. И если слышание авторитетного слова рождает способность мыслить критически, то оно и учит нас быть вместе.

Вместе – это не всегда отношения дружества, когда другой является членом твоего *communis*. Потому совместность не суть коммуникативные отношения. Совместность – это путь сопряжения различного. Древние греки называли путь сопряжения различного диалогом. Лишь в диалоге возможно становление отношений дружества и способность коммуницировать. Так вот, слышание авторитетного слова учит нас диалогу, а потому – учит быть друзьями.

В диалоге каждый из участвующих испытывает себя, подвергается проверке – чистим себя. Таковое *очищение* не только избавляет от «прогрессизма в мелочах», как говорил Уайтхед, но утверждает твердость, силу занимаемой в борьбе позиции. И только в диалоге по праву судит разум, в чем взращивается объяснительная сила мысли.

Таким образом, в слышании авторитетного слова – не апологическое признание его святости, но исток рождение мысли объясняющей. Мало видеть и пересказать – нарисовать картину

происходящего, надо объяснить. **Необходимость объяснения происходящего – это второй урок профессора Поповой.**

§ 4

Разве объяснение мира не есть проявление о нем заботы? Да, это необходимое условие, но, отнюдь, не достаточное.

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Известна сложность понимания этих слов Маркса: объяснение должно быть делом; объяснение имманентно ведению дела; в объяснении заключено изменение самого ведения дела; мир изменяется ведением дела; мир есть не что иное как ведение дела... Однако тезис Маркса процитирован не для того, что вновь возвратиться к его интерпретации и эксплицировать позицию Ирины Марковны (мы пока откладываем решение задачи по пониманию Поповой концепта «практика»). Цитатой этого тезиса, в котором, по всей видимости, наиболее рельефно представлена историко-материалистическую позицию самого Маркса, хотелось бы обратить внимание на то, что Ирина Марковна называла себя марксистом.

Вероятно, сегодня не очень принято открыто причислять себя к определенной школе социальной мысли. Во-первых, отношение к классике сегодня неоднозначное. Хабермас, например, строя свою теорию коммуникативного действия обильно цитирует классические тексты. Не зря его интерпретаторы указывают на поразительную эрудицию исследователя и сравнивают его с Вебером и Гадемаром. Луман в «Социальных системах» не часто ссылается на классические тексты и демонстрирует другой стиль теоретизирования. Гидденс, начиная карьеру с интерпретации классиков – Маркса, Вебера и Дюркгейма, замечает, что «не только идеи Парсонса, но и парсоновские классики – Дюркгейм и Вебер – являются самыми серьезными препятствиями на пути будущего теоретического прогресса».

Во-вторых, быть последовательным сторонником одного социального учения – намеренно сужать горизонт видения. Однако, порой, за теоретическим шпоризмом может последовать теоретический нигилизм, потом и утверждение о релятивности истины, затем исключение объяснения, как главной задачи социального исследования и, в конце концов – мысль умирает. Потому, может быть, неким формальным аргументом в пользу отстаивания определенной методологической позиции является императив строгости объяснения: необходимости соблюдения понятийной дисциплины на каждом этапе социального исследования.

С нашей точки зрения, в необходимости соблюдения понятийной дисциплины, строгости в проведении исследований состоит третий урок профессора Поповой.

Конечно, это ни в коей мере не исключает возможность использования множества теорий и учений в определении концептуальных оснований исследования. И уже тем более императив

строгости не предполагает занятие позиции теоретического нигилизма. Ведь даже если принять точку зрения Гидденса, то путь социального исследования лежит, во-первых, через определение места «классических» тезисов в решении современных проблем и, во-вторых, через постоянное диалогизирование с «классикой». В «Охранной грамоте» Пастернак точно заметил, что новое есть «восхищенное воспроизведение образца». Действительно, в извлечении архива уже завязывается начало нового; новое прокладывает себе дорожку, наступая на след прошлых исследовательских практик.

§ 5

Марксистская позиция Ирины Марковны имеет и более прочное основание. Его можно определить как социально-политическое. **Если объяснение есть необходимое условие проявления заботы о мире, то мир должно менять. И таков четвертый урок профессора Поповой.** В противном случае, проявление заботы о мире будем лишь изображаться, и объяснение предстанет пустой фигурой, которая мистифицирует мир архaisкими преданиями и метафизическими конструкциями.

Однако долг изменять мир нельзя путать со своеобразным «невоздержанным любопытством»: страстным желанием поскорей актуализировать только набирающую силу тенденцию, побыстрее узаконить новое. Подобный вульгарный технологизм не только обесценивает новое, но является стратегией насилия, которая, в конечном итоге, разрушает саму возможность жизни вместе. Соппротивление такому насилию – обязанность исследователя. Участие в борьбе с насилием – суть дело, что способствует социальным изменениям.

Вероятно, может показаться, что достижение результата в этом деле невозможно. Однако, надо идти к невозможному – продолжать и отрывать возможности. Говорят, что политика есть искусство возможного. Все-таки политика есть искусство открывать возможности. В том числе открывать возможности исправления ошибок. Ведь, страшно не совершение ошибки, но невозможность ее исправить. И единственный способ исправления ошибок – продолжать.

В чем сила слова Ирины Марковны? – В открытии возможностей. Возможностей, которые позволяют и заставляют проявить заботу о мире, где должно жить всем вместе. Возможностей, которые позволяют и заставляют объяснять мир, следуя императиву строгости и подчиняясь научной дисциплине. Возможностей, которые позволяют и заставляют сопротивляться насилию, спешествуя изменению мира.